

В. И. Пефтиев**Философия и роман в творчестве Альбера Камю: эссе «Миф о Сизифе» (1942)**

Альбер Камю (1913–1960) – яркая фигура в галерее мыслителей Франции 30–50-х гг. XX в. Наследие А. Камю многолико и поливалентно (романы, повести, эссе, очерки, записные книжки). Исследователи творчества А. Камю называют разные вершины его достижений. На наш взгляд, знатоки А. Камю недооценивают ранний период в его интеллектуальной биографии, связанный с философским эссе «Миф о Сизифе». В научный оборот вовлечены шведские речи А. Камю (1957), а также отдельные наблюдения и рассуждения из «Тетрадей» (I–IX). Рассматривается «досье по Камю» (2013).

А. Камю самоидентифицировался как атипичный экзистенциалист, видевший в своей судьбе голос совести бедных, обездоленных, страдающих. Возвращение к истокам стало его инвариантом как в годы Сопротивления, так и в зените славы (Нобелевская премия по литературе). Не потеряли своей актуальности идеи, сформулированные относительно взаимовлияния философии и романа (один из фрагментов эссе «Миф о Сизифе»): каждое произведение является одновременно смертью определенного опыта и его преумножением; художник вкладывает себя в свое произведение и в нем осуществляется; произведение искусства воплощает драму интеллекта, но свидетельствует о ней [драме] окольно; когда мысль становится важнее стиля, роман подвергается нашествию толпы.

Подвергнутый остракизму при жизни, А. Камю востребован сегодня как «главный капитал» Франции своими обличениями тоталитаризма, абсурдности окружающего мира, призывами к согласию между людьми.

Ключевые слова: экзистенциализм, философия и описание абсурда, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, эссе «Миф о Сизифе», из «Записных книжек» (Les Carnets), антитоталитаризм.

V. I. Peftiev**Philosophy and Novel in Albert Camus's Playwriting: Essay «The Myth about Sisyphus» (1942)**

Albert Camus (1913–1960) is a bright figure in the gallery of thinkers of France in the 30–50-s of the XX century. A. Camus's heritage is many-sided and multitudinous (novels, stories, essay, sketches, and scribbling diaries). Researchers of A. Camus's playwriting name different tops of his achievements. In our opinion, A. Camus's experts underestimate the early period in his intellectual biography concerning the philosophical essay «The Myth about Sisyphus». A. Camus's Swedish speeches (1957), and also some certain observations and reasonings from «Notebooks» (I–IX) are involved into the scientific turn. The attention is given to «the file on Camus» (2013).

A. Camus identified himself as an atypical existentialist seeing in his destiny a voice of conscience of the poor, the disadvantaged, suffering. Return to sources became his invariant as in the days of Resistance, and at the zenith of fame (The Nobel Prize on Literature). Ideas didn't lose their relevance concerning the interferences of philosophy and the novel (one of fragments of the essay «The Myth about Sisyphus»): each work is at the same time death of a certain experience and its enhancement; the artist puts himself into the work and he is realised in it; the work of art embodies the drama of intelligence, but testifies it [drama] indirectly; when the thought became more important than the style, the novel will be exposed to invasion of the crowd.

Being under ostracism during lifetime, A. Camus is in demand nowadays as «the main capital» of France by his accusations of totalitarianism, absurdity of the world around, appeals to concord between people.

Keywords: Existentialism, Philosophy and description of absurdity, Albert Camus, Jean Paul Sartre, Essay «The Myth about Sisyphus», From «Scribbling Diaries» (Les Carnets), Anti-totalitarianism.

L'absurde est la notion essentielle et la première vérité.

A. Camus

Абсурд – это сущностное понятие и изначальная правда (истина).

А. Камю

Альбер Камю (1913–1960) – яркая фигура в галерее мыслителей Франции 30–50-х гг. XX в. Самый молодой лауреат Нобелевской премии по литературе (1957). Наследие А. Камю многолико и поливалентно (романы, новеллы, эссе, очерки, записные книжки), поэтому исследователи его творчества называют разные вершины его до-

стижений: атеистичный экзистенциалист (С. Дубавец), ироничный классицист (Е. Д. Гальцова), писатель-философ (С. Л. Фокин). Не забудем эволюцию взглядов А. Камю (от философии и описания абсурда через пафос бунта и антитоталитаризма к проповеди любви, меры и справедливости). Самобытна и самоидентификация в кругу философов – атипичный экзистенциалист. Свою судьбу А. Камю видел в неразрывной связи с миром бедных, обездоленных, страдающих (возвращение к истокам – *retour aux sources*).

Сирота – отец погибает от раны, полученной в битве на Марне (1914). Мать вынуждена целыми

днями работать: она убирает в домах богатых. Интерес к философии поддержан в лицее Жаном Гренье. Изучение философии продолжено в Алжирском университете. Тяжелая болезнь (туберкулез) помешала завершить и защитить дипломное сочинение «Христианская метафизика и неоплатонизм». С 1938 г. журналист независимой газеты левого толка. В Париже (с 1940 г.) занимается журналистикой и завершает роман «Посторонний». Участник Сопротивления. Издание «Постороннего» и «Мифа о Сизифе». Философское эссе заслуживает самого пристального внимания и, на наш взгляд, недостаточно оценено в историографии сочинений А. Камю.

Первое значимое сочинение А. Камю запоздало переведено на русский язык; виною тому его нелюбимые высказывания в адрес СССР и сталинизма. Мы воспользовались академическим изданием 2003 г. [5]. Наиболее развернутый анализ философского эссе содержится в монографии Сергея Фокина [6].

«Желание стать писателем, – вспоминает Камю в беседе с одним из критиков, – возникло у меня в семнадцать лет, и тогда же я смутно понял, что стану им» [Цит. по: 5, с. 13]. Выходу в свет философского эссе «Миф о Сизифе» предшествовали штудии в Лицее и Университете, а также насыщенное самообразование. В 1932 г. в студенческом ежемесячнике появилась статья под названием «Философия века» с критическим обзором книги А. Бергсона «Два источника морали и религии»¹. А. Камю ждал от мэтра в апогее славы евангелие века, в предчувствии которого бродит сегодня страждущий дух. Но его посетило разочарование, равно как и других почитателей таланта А. Бергсона [1, с. 4]. Простительны запальчивость и раскованность молодого философа; в последующем эти «грехи» молодости исчезнут сами собой. Важно другое: А. Камю от восприятия своего недуга переходит к осознанию коллективных бед [5, с. 16, прим.]. В 30-е гг. он изучает труды Ф. Ницше, Л. Шестова, Ф. Достоевского. В сборнике «Изнанка и лицо» (1937) утверждается трагичность жизни бедняков. «Да, – замечал Камю в своих “Тетрадах”, – я учился свободе не по Марксу, я познал ее в нищете» [6, с. 21]. Именно тогда возникает слово «абсурд» как мироощущение. В начале 1936 г. в «Тетрадах» появляется запись, ставшая заповедью для писателя-философа: «Думать только образами. Если хочешь быть философом – пиши романы» [6, с. 26–27]. До А. Камю тему абсурда

активно разрабатывал А. Мальро (1901–1976) – писатель-мыслитель и государственный деятель.

Обратимся к тексту эссе «Миф о Сизифе» с распадающейся на фрагменты (3) композицией. Соотношению философии и романа посвящено менее 10 страниц [5, с. 473–481], но они емкие по авторским идеям и размышлениям. Прочитаем наиболее важные из них. Творить (в разреженном воздухе абсурда) – это жить дважды (ссылка на тревожный поиск на ощупь М. Пруста) (с. 473–474). Каждое из произведений искусства является одновременно смертью определенного опыта и его приумножением (с. 475). Противопоставление философии и литературы (искусства) в строгом смысле наверняка ошибочно (с. 475). Однако различия существуют. Философия пребывает внутри своего учения, а художник находится перед своим произведением (с. 476). И далее следует изложение установок экзистенциализма. Феномен абсурда в том, что задача художника сводится лишь к его описанию. Художник, как и мыслитель, вкладывает себя в свое произведение и в нем самоосуществляется. Произведение искусства воплощает драму интеллекта, однако свидетельствует о ней окольно. В нем высказывается меньше, чем подразумевается. Будь мир ясен, искусства могло бы и не быть. В философии жизни есть свои персонажи, свои символы и свои скрытые действия. История философии – это история раскаяний, долгая исповедь (с. 477–479). Когда мысль становится важнее стиля, роман подвергается нашествию толпы (с. 478, прим.). Иными словами, речь идет о сползании романиста-философа к стереотипам массового читателя, что стало явным в эпоху постмодерна.

Взгляды А. Камю на философию и роман затруднительно понять вне концепции абсурда, а в ней три ипостаси. Первая предстает как разлад между миром и человеком, размышляющем о нелепости существующего социального устройства. Вторая ипостась заключается в метафизике жизни и смерти. И третья обладает эстетическим измерением (абсурдное творчество), о чем поведал нам вышеизложенный фрагмент эссе. И тема абсурда становится главной в романе «Посторонний» (*L'Étranger*). Переводчики обыгрывают и другие названия романа – чужой, чужак. Нам ближе всего философская дуополия – «свой среди чужих, чужой среди своих».

Не потеряли своей актуальности и рассуждения А. Камю об абсурде и самоубийстве, абсурдной свободе, человеке абсурда (с. 405–425). Воспроизведем отдельные места из введения к эссе.

Абсурд – это описание болезни духа в чистом виде (с. 405). Убить себя означает признание, что жизнь тебя подавила или что ее изменить нельзя. Самоубийство является радикальным решением задачи, задаваемой абсурдом (с. 408). В привязанности человека к жизни есть нечто, превосходящее все на свете невзгоды (с. 409). Привычка жить складывается раньше привычки мыслить (с. 409). Но абсурд может быть и побуждением к смерти (с. 410). И неожиданно в размышления о жизни и смерти врывается писатель: последние страницы книги уже содержатся в ее первых страницах (с. 412). Мудрая подсказка для читателя. И снова возвращение к метафизике жизни и смерти: «никто в самом деле не имеет опыта смерти... А в случае смерти возможно говорить разве что об опыте кого-то другого. Это заместитель опыта, нечто умозрительное и никогда не убеждающее нас вполне...» (с. 415).

По единодушному признанию французских и российских исследователей, роман А. Камю «Посторонний» – это описание иррациональности бытия, абсурда. По фабуле романа враждебное общество приговаривает к смертной казни человека, оступившегося и по неосторожности причинившему смерть другому. Но дальше оценки расходятся, породив обширную историографию вопроса. Ролан Барт (1915–1980) первым поддержал собрата по перу, отметив достоинства стиля и удовольствие от чтения (1944). Десять лет спустя (1954) Р. Барт, ссылаясь на роман «Посторонний», выделяет отстраненность рассказчика от сюжетных интриг и широкое использование в диалогах сложного прошедшего времени [5, с. 8–10]. Сергей Дубовец находит талант А. Камю в умении ставить «вечный» вопрос о смысле жизни (стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?) и отвечать на него обыденными словами (*les mots de tous les jours*) [4, с. 3]. Такой манерой обладал в совершенстве Жак Превер. См.: «Опавшие листья», 1946. С. Л. Фокин видит оригинальность романа «Посторонний» в знаменитом зачине: «Сегодня умерла мама...». И далее повествование (нарратив) идет в форме записок приговоренного к казни, то есть от первого лица, без самооправдания, с желанием вспомнить, как все было на самом деле, уяснить себе и возможным читателям подлинную причину случившегося [6, с. 138–141]. Хвала в адрес А. Камю за роман «Посторонний» (равно как и другие) отнюдь не абсолютная. С. Л. Фокин отмечает печать негативизма, отрешенности от мира, противоречия эстетики абсурда. Эти установки требовали

глубокой проверки жизнью [6, с. 157–159]. И к возрасту зрелости (акме) А. Камю вдохновляли другие идеи, отраженные в Нобелевских речах писателя. Философские медитации и писательская практика А. Камю стали глубже и дальновиднее.

Исследователи сочинений А. Камю не часто обращаются к шведским речам писателя. Между тем они образуют самостоятельный блок зрелых размышлений о себе и миссии художника. Цитаты, близкие к тексту, надеюсь, передадут трепет мысли и безотзывность долга художника слова в сложную эпоху – эпоху перемен, сумасшедшей и занемогшей истории, в полной беспомощности и растерянности перед судорогами времени (образы и эпитеты А. Камю. – В. П.).

Нобелевская речь А. Камю (10 декабря 1957 г.) – самого молодого лауреата. Исповедь искренняя, познавательная и перспективная [3, с. 173–176]. «Я не могу жить без своего искусства. Но я никогда не возносил его над всем миром». Писатель по своей природе «не может служить тем, кто сегодня делает историю, ибо он служит тем, кто ее переживает» (с. 174). Иными словами, А. Камю выдвигает свою версию экзистенциализма, отличающуюся от трактовки Ж.-П. Сартра. Эта демаркация прослеживается во многих заявлениях А. Камю и зафиксирована в предисловии К. Долгова к сб. «Творчество и свобода» (с. 8). А. Камю предупреждает своих современников: «Каждому поколению свойственно считать себя призванным переделать мир (вспомним крылатую фразу К. Маркса. – В. П.). Мое, однако, уже знает, что мир оно не переделает. Но его задача, быть может, более значительна. Она состоит в том, чтобы помешать миру исчезнуть» (с. 175). Эта сверхзадача стала на порядок более императивной и в XXI в. Высоту писательского ремесла поддерживают и писатели без академических и иных престижных титулов. Об их поддержке замолвил свое слово А. Камю (с. 175). И напутствие для будущего авангарда писателей: «Правда таинственна, неуловима, ее вечно приходится завоевывать заново. Свобода опасна, трудна и упоительна» (с. 176). Лучше не скажешь!

Лекция в университете г. Упсала (14 декабря 1957 г.) (с. 176–191). Самоустранение писателя в интересную эпоху (то есть перемен, ссылка на молитву восточного мудреца) невозможно; у него уже нет надежды остаться в стороне и погрузиться в дорогие ему думы и образы. Сегодня все изменилось, даже молчание приобрело грозный

смысл. Выражение «поставлен под ружье» кажется мне в данном случае более уместным, нежели «завербован»². Каждый художник прикован сегодня к галере своего времени (с. 176–177). Искусство не должно быть или роскошью, или обманом. Необходимо возвратиться к правде человека из крови и плоти и защитить свободу – «самую оклеветанную на сегодняшний день ценность. Слова “свобода” и “равенство” нельзя безнаказанно отправлять на панель и делать их объектами мистификации» (с. 179, 181). И в завершении лекции А. Камю обращается к эпизоду и образу из турбулентной жизни Ф. Ницше. Оставшись в одиночестве после разрыва с Лу Саломе (1861–1937, писательница, ее роман с Ф. Ницше развернулся в 1882 г.) и одновременно подавленный огромной работой, без поддержки извне, Ницше ночами гулял по холмам над Генуэзским заливом (приморский городок Рапалло близ Генуи в 1882–1883 гг.), разводил огромные костры из веток и листьев, а потом долго смотрел, как они горят [3, с. 572]. «Я часто думал об этих кострах и иногда мысленно подвергал испытанию некоторых людей и произведения искусства сопоставлением с ними. Так вот, наша эпоха – один из таких костров, чей нестерпимый жар обратит, несомненно, многие произведения в пепел! Зато те, что останутся, чей металл окажется невредимым, позволят нам безудержно предаваться той высшей умственной радости, которая именуется «восхищением» (с. 190–191). Запомним этот образ Ф. Ницше и метафору «огонь и пепел» и восхитимся мастерством А. Камю как стилиста.

Тетради (*Les Carnets*) А. Камю за 1935–1959 гг. (I–IX) являют собой образец «гибридного» жанра (литературного Кентавра. – В. П.) – между привычным дневником и краткими размышлениями «по поводу» (события, идеи, реплики), что не умаляет их значимости для понимания личности А. Камю. Воспроизведем некоторые записи, на наш взгляд, пронизательные и раскрывающие кредо писателя-философа. См.: [5, с. 623–768].

Жизнь и творчество Альбера Камю – особый, даже в чем-то уникальный, феномен культуры Франции 30–50-х гг. XX столетия. Выходец из Алжира, познавший тяготы бедности, а то и нищеты, сирота. Посвятил судьбе многострадальной малой родины трехтомник статей, очерков, заметок за 1939–1958 гг. (*L'Actuelles*). Но Камю так и не стал голосом «третьего мира», в отличие, скажем, от Франца Фанона (*Les Damnés de la terre*, 1961). Его оценка политики Франции в Африке

неоднозначная, взвешенная, без перехлеста эмоций [9, с. 12–15]. Камю не стал «своим» и для Сартра и его ближайшего окружения: цивилизованная полемика вокруг «Тошноты» Сартра со временем переросла во взаимное отчуждение и завершилась брутальным разрывом³. Камю своими рассуждениями об абсурде в немалой степени способствовал становлению театра абсурда [7, с. 147, 144–155], новации общеевропейской, но с неизбежными модификациями по странам и режиссерам спектаклей [2]. Франция не предаст забвению своих гениев, пусть и несносных (*Les Enfants terribles*), и регулярно (к юбилеям и без таковых) проводит смотр достижений в исследовании своих «звезд» литературы и искусства⁴. Подвергнутый при жизни остракизму, А. Камю сегодня востребован как «главный капитал» Франции своими обличениями тоталитаризма, абсурдности окружающего мира, призывами к согласию между людьми [9, с. 11–12].

И последняя фраза романа «*L'Étranger*» возвращает нас к загадке: почему ждущие смерти хотят присутствия живых, своих и чужих?»⁵.

Библиографический список

1. Бергсон, А. Избранное: Сознание и жизнь [Текст] / А. Бергсон; пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2010. – 399 с.
2. Злотникова, Т. С. Эстетические парадоксы русской драмы [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – 288 с.
3. Камю, Альбер. Творчество и свобода [Текст] / Альбер Камю; пер. с фр. – М.: Радуга, 1990. – 605 с.
4. Камю, Альбер. Миф о Сизифе. Бунтующий человек [Текст] / Альбер Камю; пер. с фр. – Минск, 1998. – 544 с.
5. Камю, Альбер. Посторонний. Чума. Падение. Миф о Сизифе. Из записных книжек [Текст] / Альбер Камю; пер. с фр. – М.: АСТ, 2003. – 809 с.
6. Фокин, Сергей. Альбер Камю. Роман. Философия. Жизнь [Текст] / С. Л. Фокин. – СПб.: Алетея, 1999. – 384 с.
7. *Littérature française. Le XX siècle. II. 1920–1970* par Germaine Brée. – Paris: Arthaud, 1978. – 429 p.
8. *Littérature française aujourd'hui*. par Pierre Brunel. – Paris: France Quercy, 1997. – 222 p.
9. *Perspective: Sartre on Camus? // Le Magazine Littéraire*. – 2013. – Octobre. – С. 8–16.

Bibliografičeskij spisok

1. Bergson, A. Izbrannoe: Soznanie i zhizn' [Tekst] / A. Bergson; per. s fr. – M.: ROSSPJeN, 2010. – 399 s.
2. Zlotnikova, T. S. Jesteticheskie paradoksy russkoj dramy [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2011. – 288 s.
3. Kamju, Al'ber. Tvorčestvo i svoboda [Tekst] / Al'ber Kamju; per. s fr. – M.: Raduga, 1990. – 605 s.

4. Kamju, Al'ber. Mif o Sizife. Buntujushhij chelovek [Tekst] / Al'ber Kamju ; per. s fr. – Minsk, 1998. – 544 s.

5. Kamju, Al'ber. Postoronnij. Chuma. Padenie. Mif o Sizife. Iz zapisnyh knizhek [Tekst] / Al'ber Kamju ; per. s fr. – M. : AST, 2003. – 809 s.

6. Fokin, Sergej. Al'ber Kamju. Roman. Filosofija. Zhizn' [Tekst] / S. L. Fokin. – SPb. : Aletejja, 1999. – 384 s.

7. Littérature française. Le XX siècle. II. 1920–1970 par Germaine Brée. – Paris: Arthaud, 1978. – 429 p.

8. Littérature française aujourd'hui. par Pierre Brunel. – Paris: France Quercy, 1997. – 222 p.

9. Perspective: Sartre on Camus? // Le Magazine Littéraire. – 2013. – Octobre. – С. 8–16.

¹ Пик популярности Анри Бергсона (1859–1941) пришелся на труд «Творческая эволюция» (1907). По версии французского философа, грандиозный процесс эволюции мира введом «жизненным порывом» (élan), то есть состоянием крайнего напряжения физических, интеллектуальных, душевных сил человека. Этот порыв был присущ и А. Камю в 40-е гг. Однако источники молчат о штудировании А. Камю этого эпохального сочинения. Между тем, аргументация А. Бергсона благотворно повлияла на Генри Миллера при создании им парижской трилогии (30-е гг.). См.: Аствацуров, А. Генри Миллер и его «парижская трилогия». – М.: НЛЮ, 2010. – С. 181–187. – 344 с.

² Комментатор С. Зенкина уточняет перевод этих двух выражений: в оригинале игра слов embarqué и engagé. Во французском языке оба слова могут означать «вовлеченность» человека в какое-либо дело, предприятие; но по внутренней форме первое заключает в себе идею

«отплытия», тогда как второе – идею «поступления на службу», «завербованности» («ангажированности»). См.: [3, с. 571].

³ В годы оккупации (Сопротивления) Сартра и Камю сблизили общая любовь к литературе, женщинам и Свободе с большой буквы. Катастрофа во взаимоотношениях наступила в мае 1952 г., после публикации в журнале «Тан нуво» (Les Temps Nouveaux) обличительной статьи в адрес Камю и его романа «Бунтующий человек» (L'Homme révolté). Накал страстей этой пары передают карикатуры на антагонистов, в которых Жан-Поль Сартр прибавляет к стене мощным молотком объявление: «Вход запрещен собакам и... антикоммунистам» (намек на Альбера Камю. – В. П.). Рядом портрет Камю – с поднятым воротником пальто, горящей сигаретой в зубах, подшивкой газеты «Битва» (Le Combat, подпольная газета Сопротивления нацизму) [9, с. 8–9].

⁴ Ролан Барт как литературовед и филолог не единожды шокировал читателей и коллег сменой приоритетов и метаморфозами предпочтений. Восхищался стилем и «породистостью» романа «Посторонний» и обрушился на А. Камю за якобы избыточные аллегории в «Чуме». От всесторонней оценки письма (произведения) заикнулся на тексте. Чрезмерные ожидания от протеже завершились разочарованием. Незадолго до смерти он горевал «умиранием» романа, возлагал надежды на поэзию, возмущался десакрализацией книги. См. Компаньон, Антуан. Ролан Барт как Поликарп Смаринский // Неприкосновенный запас (НЗ). – 2014. – № 6. – С. 210–242.

⁵ «Pour que tout soit consommé, pour que je me sente moins seul, il me restait à souhaiter qu'il y a beaucoup de spectateurs le jour de mon exécution et qu'ils m'accueillent avec des cris de haine». См.: L'Etranger. P.: Gallimard, 1968. – p. 179.